

К.М. СТАНЮКОВИЧ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Константин Станюкович

**Похождения одного
благонамеренного молодого
человека, рассказанные им самим**

«Public Domain»

1879

Станюкович К. М.

Похождения одного благонамеренного молодого человека,
рассказанные им самим / К. М. Станюкович — «Public Domain»,
1879

Содержание

I	5
II	8
III	11
IV	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Константин Михайлович Станюкович

Похождения одного благонамеренного молодого человека, рассказанные им самим

I

Очень уж хотелось мне жить, как другие порядочные люди живут, чтобы обстановка и костюм были приличные, пища вкусная и питательная, – словом, чтобы все как следует. Грязь и бедность, постоянные мысли о том, как бы прожить месяц, – все это просто терзало меня. А жили мы в ту пору с маменькой и сестрой в маленьком уездном городке совсем бедно. Будущности никакой. Так себе, живи впроголодь, носи коленкоровые рубашки и думай, как бы не износить сапогов раньше времени. Протекции у нас не было никакой, родственники всё жалкие, необразованные люди, знакомства мизерные... Подобная будущность пугала меня... За что пресмыкаться, глядя, как другие люди живут, как следует жить... Зачем же мне дали образование в гимназии? Лучше было бы и вовсе не учить меня. Гибнуть я не хотел...

Папенька (царство ему небесное!) умер, несколько не позаботившись о нас. Умер он, как и жил, в бедности (чтобы похоронить его сколько-нибудь прилично, пришлось заложить кое-что из рухляди), хотя по должности, какую он занимал, мог бы, как другие, обеспечить свое семейство.

Боже сохрани меня осуждать родителей, но я рассуждаю так: если человек обзаводится семьей, то его священный долг позаботиться о ней, чтобы не поставить кровных своих в безвыходное положение. И без того нищих довольно. Если не имеешь силы обеспечить семью, то не следует иметь детей.

Папенька был очень странный человек, не в меру гордый и раздражительный, а маменька, по слабости характера, не имела на него никакого влияния. Иной раз она сделает сцену (когда уж очень изнашивались на нас платье и обувь), затеет разговор насчет средств, но тотчас же и замолчит, встретив презрительный взгляд отца. Обыкновенно он как-то перекашивал губу и, когда маменька жаловалась на бедность, раздражительно отвечал:

– Воровать прикажешь?

Маменька пробовала было заговаривать насчет платьев и башмаков наших, но отец с какою-то усмешкой перебивал:

– Что они у нас, принцы мекленбургские, что ли? И в дырявых ходят.

Маменька умолкала, а отец, бывало, задумается и некоторое время спустя как-то задумчиво промолвит:

– По крайней мере, дети отца добром вспомнят!

После таких сцен он особенно нежно ласкал меня и сестру, прижимал нас к своей впалой груди и долго вглядывался в наши лица. Потом, как мы подрастали, меня он реже ласкал и иногда загадочно так на меня глядел, словно я был для него загадкой и он за меня боялся. Сестру, напротив, очень баловал, по-своему разумеется. Мне и завидно было и досадно, что папенька совсем был непрактичным человеком. Уж какие тут принцы! В доме у нас постоянные недостатки, а он о принцах! Я, бывало, нередко беседовал на этот счет с маменькой, но у нее, как у женщины, не было никакой выдержки.

Нужно было исподволь, осторожно, но как можно чаще касаться этих вопросов (капля точит камень), напирая преимущественно на родительские чувства (отец очень любил меня

и сестру), а она вдруг разражалась упреками и слезами и вслед за тем, вместо того чтобы выдержать характер и показать недовольство, сама же просила извинения у отца. Разумеется, отец еще более упорствовал в своей гордости, полагая, что и мать с ним во всем согласна (это насчет средств). А она соглашалась с ним более по слабости. Сама, бывало, плачет втихомолку над нами, что мы несчастные и нищие, а поговорит с отцом – успокоится. Никакой не было выдержки у маменьки!

Про отца все говорили (и до сих пор говорят) как о честном человеке, но чуде. Но от этих разговоров ни маменьке, ни мне легче не было. Если бы даже о папеньке говорили иначе, а у нас были бы средства, то все-таки уважали бы нас более и нам не пришлось бы унижаться перед людьми...

Я только что после смерти отца получил аттестат зрелости, но об университете нечего было и мечтать. Разумеется, если б какие-нибудь деньжонки, я бы кончил курс; тогда место виднее можно было бы получить и жили бы мы прилично. Но и при папеньке-то мы бедствовали, а как скончался он – доктор сказывал, от чахотки, – то дела наши и совсем расстроились. Надо было жить троим. Я оставался единственной поддержкой семьи. По счастью, я скоро искал место письмоводителя у мирового судьи, приятеля покойного отца. Жалованье ничтожное, работа такая, что никак нельзя быть на виду, да и сам судья был какой-то невидный и неловкий человек. По утрам судил, а по вечерам играл в карты и был совершенно счастлив. От него никакой протекции ожидать было невозможно. Он и о себе не заботился. Где ж ему было заботиться о других! Да и ничего он не мог бы сделать, если б и хотел.

И стал мне скоро наш городок ненавистен. И жители его тоже ненавистны. Главное, все тебя знают, все видят, что на тебе потертый сертучишко, скверное белье и что дома пустые. Все очень хорошо знали наше положение, и, вероятно, потому-то всякая скотина считала своим долгом пожалеть тебя при встрече, и так пожалеть, что и придаться нельзя. Внутри клокочет злоба, а ты еще благодари за сожаления!

Бывало, идешь в свою камеру, а навстречу какой-нибудь помещик или думский гласный. Поманит эдак обидно пальцем и скажет:

– Здравствуй, молодой человек. На службу?

– На службу.

– Похвально, похвально... Конечно, жаль, что такой прекрасный молодой человек, как вы, не нашел себе более приличного места, но что делать? Вы ведь, кажется, первым в гимназии кончили?

– Первым.

– Отлично, отлично... Покойный ваш батюшка честнейший человек был; только жаль, ничего вам не оставил, так что вам и курс кончить нельзя. Но что делать! Теперь вы поддержка семьи, и вам делает честь, что вы трудитесь. Похвально, похвально, молодой человек!

Помещик, полагавший, что осчастливил своим сочувствием, жал мне руку и шел своей дорогой, выразив, разумеется, сожаление и похвалу больше для того, чтобы занять минуту, другую разговором.

Такие встречи случались чуть ли не ежедневно. Весь городок точно считал немым долгом терзать меня, соболезнуя о способном молодом человеке и одобряя его похвальное поведение относительно семейства. Даже сторож в камере и тот как-то особенно, обидно-нежно относился ко мне.

«Такой молодой человек, а всю семью содержит! Мать просто не надышится сыном!»

Эту самую фразу все повторяли, бывало, чуть только завидят меня где-нибудь, так что я наконец зеленел от злости, чуть было услышу ее. Все жалели, все соболезновали, но, конечно, никто и не подумал помочь «способному молодому человеку» сделать приличную карьеру.

Наконец все эти сожаления так меня озлобили, что я обходил большую улицу и стал ходить в камеру по закоулкам и пустырям, чтобы не встречаться ни с кем на дороге, и мечтал о

том, как бы мне выбраться из унижительного положения и уехать поскорей из этого ненавистного мне города.

К тому же, признаюсь, зависть просто ела меня. В самом деле, неужто так-то мне и пропадать здесь? Нет, ни за что!

А из камеры прибежишь голодный домой, дома неприглядно... одна бедность. Мать подкладывает лучшие куски (ты-де кормилец), отказывая себе и сестре, а эти куски мне и того противнее. И гложет, бывало, меня пуще злость, когда вижу, как маменька во все глаза смотрит, точно собака на хозяина. Во взгляде и умиление и соболезнавание, словно бы и она тоже чувствует, что вот, мол, такой способный молодой человек, а всего тридцать пять рублей в дом приносит. Сестра угрюмо смотрит, ест мало, и угрюмость ее тоже во мне желчь подымала. Она-то чего!..

Но я никогда не показывал, что происходило во мне. Сцен я не люблю. Одно только беспокойство и никакого толка. Мне бы хотелось, чтобы все шло у нас в семье тихо, мирно и прилично, а не так, как у пьяных чиновников, где за обедом происходят драки. К тому же я любил маменьку, и мне очень хотелось, чтобы хоть на старости лет она могла жить как следует, а не жариться у плиты.

Поэтому со своими я ничего не говорил о своих планах, а держал их про себя. Еще поняли ли бы они их как следует?..

Раз только я как-то глупо размяк и стал однажды говорить с сестрой об идеале порядочного человека и как надо жить, чтобы иметь право считаться порядочным человеком. Должно быть, я говорил очень горячо, так как только спустя несколько времени заметил, с каким не то изумлением, не то страхом слушала она меня.

– Ты что, Лена?

– Как что? И тебе, Петя, не стыдно? А что нам покойный папа говорил?

Она как-то всплеснула руками, хотела что-то сказать, но промолчала.

– Что ты все: папа да папа? Отец был увлекающийся человек. Он не понимал жизни.

Сестра побледнела при этих словах:

– Замолчи... замолчи... Что ты говоришь!!

Она заткнула себе уши и убежала из комнаты. Глупенькая! Она ничего не понимала. Кажется, разговор поразил ее, и она долго после этого не заговаривала со мной. Вообще, Лена была странная девушка, она походила на отца и была такая же увлекающаяся идеалистка. Ей только что минуло семнадцать лет, и разная блажь ей лезла и голову. То в монастырь собиралась идти, то вздумала морить себя голодом и все лепетала, как блаженная, что она эгоистка. Мне придется еще говорить об ее печальном конце, а пока замечу только, что она была удивительная девушка, не обращала на себя никакого внимания, хотя были очень хорошенькая, и никак не могла понять простой вещи, что жить – значит наслаждаться, а не страдать... А она точно искала какого-то креста и подолгу, бывало, разговаривала с разными странниками и странницами, заходившими к нам, когда меня не было дома. При мне эти мошенники не смели показываться. Досадно было слушать, как они врут и как дураки им верят.

II

Мысль – сделаться самому порядочным человеком и сделать порядочными людьми мать и сестру – засела гвоздем в мою голову. Я решил, что это должно быть так, и с этой целью собирался ехать в Петербург и там попробовать счастья и испытать свои силы... Мне шел двадцать третий год... Я был здоровым, крепким молодым человеком и, как говорили уездные дамы, далеко не уродом... «Неужели ж я не пробьюсь?» – думалось мне, и надежды, одна другой розовой, щекотали мои нервы... Ведь многого я не требую от жизни. Я желаю только приличного существования. Я хочу жить, как люди живут, – вот и все. И я буду так жить! – не раз повторял я себе, лелея эти мечты, как цель моей жизни.

Нужно было первым делом позаботиться о средствах, и я стал копить деньги. Я получал всего тридцать пять рублей и отдавал матери двадцать пять. Остальные десять я прежде тратил на себя, но теперь стал их откладывать. Я бросил курить, ходил в заплатанных сапогах и отказывал себе во всем. Я не чувствовал этих лишений и с гордостью думал, что взамен их я достигну цели... Я буду жить, как другие порядочные люди; белье у меня будет тонкое, сигары хорошие, квартира приличная. Я не раз в мечтах представлял, какая именно у меня будет квартира и как те самые люди, которые соболезновали обо мне, будут тогда изумляться: какой солидный человек, всегда при деньгах и без копейки долга... Иногда, размечтавшись, я доходил в дерзких мечтах своих даже до собственной лошади... одной лошадки, эдак шведки, круглой, сытой, какие бывают, как я видал, у докторов-немцев.

У меня бывали свободные вечера, и я решил воспользоваться ими. С этой целью обратился я за помощью к мировому судье и просил его, если случится, порекомендовать меня в качестве учителя. Он охотно согласился помочь мне в этом, и я скоро получил несколько уроков. Платили мне, конечно, мизерно, но я не особенно разбирал.

Возвращался я домой, пил два стакана чаю с черным хлебом и считал накопленные деньги, притаившись, точно вор, у себя на антресолях. Домашние меня не беспокоили, я просил их об этом... Только мать убивалась все из-за меня, полагая, что я слишком много работаю. Она не понимала, что эта работа была для меня наслаждением. Я им до времени не открывал своего плана, и только через год, когда я скопил таким образом шестьсот рублей, я объявил маменьке, что собираюсь в Петербург.

Она не ожидала этого и испугалась.

– Как в Петербург?..

– Так, маменька... Неужто вы думали, что я всю жизнь буду прозябать в этом городке и позволю вам вести такую жизнь?..

– Какую жизнь?.. Чем же это не жизнь, Петя?

– Ах, маменька!.. Разве так люди порядочные живут, как мы живем? Покойный папенька о вас не позаботился, так я, маменька, о вас позабочусь! – проговорил я гордым и уверенным тоном.

– Эгоист! – раздался из-за перегородки раздраженный голос Леночки.

Я только усмехнулся и не обратил на ее глупую выходку никакого внимания. Маменька просила ее замолчать, но я поспешил прекратить готовящуюся вспыхнуть сцену.

– Оставьте, маменька, Леночку. У нее свое мнение, у меня свое. Кто из нас прав, покажет будущее... Быть может, и Леночка, когда будет постарше, поймет, что деньги – сила и что без них порядочным человеком нельзя быть!

– Неправда... неправда... неправда! – крикнула она.

– Не сердись, Лена... Я ведь не навязываю тебе своего мнения. Я говорю: быть может...

– Не может этого быть... То, что ты говоришь, безнравственно...

Я не отвечал больше сестре. Очевидно, она не понимала, что говорила.

– Вот, маменька, вам триста рублей, – продолжал я, выкладывая на стол три сотенные бумажки. – Этих денег хватит вам на год, но я надеюсь, что раньше года выпишу вас в Петербург, и тогда мы заживем отлично...

Мать изумлялась все более и более.

– Но откуда у тебя деньги?.. И как же ты-то сам будешь жить в Петербурге?..

– Деньги я честно, маменька, заработал... А для Петербурга я и себе оставил триста рублей.

Мать бросилась обнимать меня и всплакнула-таки... Жаль было ей расставаться со мной...

– Не плачьте, маменька... Я еду за счастьем и найду его... А разве вы не хотите видеть своего сына счастливым?

Пришла и Лена. И она была изумлена, когда увидела, сколько я заработал денег... Очевидно, мое упорство вселяло в ней уважение ко мне...

Она как-то грустно улыбнулась, когда я сказал ей, что в Петербурге она может учиться и что я надеюсь скоро доставить ей средства, но ни слова не ответила на мои слова. Я объявил, что уезжаю через три дня, и пошел к себе наверх.

Мне спать не хотелось... Я ходил взад и вперед по комнате в большом волнении... Я верил в свою звезду, а все-таки сомнения нет-нет да и закрадывались в мой ум. Что-то будет впереди?.. Как-то встретит меня большой незнакомый город?..

Я не помню, долго ли я так проходил, но, взглянув на часы, увидел, что уже двенадцатый час... Пора было ложиться спать.

Вдруг по лестнице раздались легкие шаги, и Лена вошла ко мне в комнату. Она была бледна... Глаза ее были красны от слез... Она приблизилась ко мне, взяла меня за руку и, заглядывая в глаза, как-то странно спросила:

– Петя!.. зачем ты едешь в Петербург?..

– Вот странный вопрос!.. Я еду искать счастья...

Вдруг эта странная девушка горячо обняла меня и, вся вздрагивая, прошептала, наклоняясь над моим ухом:

– Милый мой... дорогой Петя, не поезжай туда!.. Ради бога, не поезжай!..

– Что с тобой, Лена?.. Отчего это мне не ехать?..

– Другому я бы посоветовала туда ехать, а тебе – нет. Ты не сердись, я говорить не умею... Ты... ты сам станешь нехорошим... Ты совсем испортишься... Ты совсем перестанешь любить людей...

Она говорила прерывисто и так жадно смотрела мне в глаза.

– Я тебя, Лена, не понимаю...

– Ах, нет... Ты понимаешь... Я и сама, впрочем, не понимаю... Я больше чувствую это... Петя, родной мой! Разве тебя не мучит ничто другое?.. Неужели тебе только и заботы, что о себе, как бы тебе получше жить?.. А о других ты никогда разве и не думал?.. Разве тебе не жаль других, и ради их неужели ты не позабыл бы себя?.. А ведь тот идеал порядочного человека, про который ты говорил – помнишь? – тот идеал не ведет к добру... Петя... Петя... вспомни покойного отца... вспомни, чему он нас учил...

Она вдруг зарыдала и, припав к руке моей, обливала ее слезами.

– Лена... Леночка... Да что с тобой? Ты какая-то экзальтированная... Чего ты желаешь?.. В монахи, что ли, идти мне?..

– Ах, лучше в монахи, если есть вера... А то ты только и веришь в деньги... Сгубишь ты себя...

– Но ведь я для вас же хлопочу... Разве так хорошо жить?..

– Не то... не то... Ах, ты не то говоришь, Петя... слишком много заботишься о себе... Ты себя очень любишь.

Я старался успокоить Лену, объяснял, что я ничего нечестного не сделаю, но что я только хочу быть человеком.

Но она не успокоилась после моих слов и что-то пыталась мне объяснить, но вместо объяснений она говорила какие-то горячие слова о том, как надо жить по правде... Говоря о своей правде, она вся вздрагивала... Видно, бедную странники совсем сбили с толку.

Я с сожалением слушал ее порывистые речи и доказывал ей, что глупо с ее стороны так волноваться из-за того, что я еду в Петербург. Разумеется, я постараюсь получить место, постараюсь пробить себе дорогу и не пресмыкаться, как теперь...

– Того я и боюсь, Петя, что ты успеешь... Ты упорен... у тебя характер есть...

Больше она ничего не говорила... Заладила одно, что боится за меня, что я людей забуду и какую-то «правду» забуду...

– Ты, Леночка, ребенок и ничего не понимаешь... Мечтательница ты... а я... жить хочу...

– Но разве твоя жизнь – жизнь?

– Ну, довольно об этом, Лена.

– И ты едешь?

– Еще бы!

– Да спасет тебя бог! – проговорила она как-то порывисто, обняла меня и тихо, понутив голову, вышла из комнаты.

Глупая эта сцена, однако, смутила меня, и я долго ворочался в постеле... Долго не мог заснуть... Все мне мерещилась белокурая Леночкина головка, ее возбужденные глаза и ее порывистые речи...

Как же жить-то? Она искала выхода по-своему, я по-своему. Пусть же нас рассудит жизнь!.. А волноваться, как она, из-за пустяков я не мог же в самом деле... Страдать за других, когда я страдал за самого себя, за маменьку и за сестру!.. Да с какой стати?.. И наконец, все это одни глупости... Жить надо!.. Надо жить!

В этом всё!.. Когда я себя устрою, тогда не забуду и о других... Но прежде всего о себе... Чем же я виноват, что я себя люблю?.. Да, люблю и возненавижу тех, кто помешает мне добиться своего счастья...

Так размышлял я в те поры, и когда стал засыпать, то ясно слышал, как на соседней церкви пробило пять часов...

На другой день я отправился к мировому судье и объявил ему, что оставляю место...

Он удивился такой новости.

– Уж не выиграли ли двести тысяч? – пошутил он.

– Нет, еду в Петербург.

– Без места?

– Без места... Попытать счастья...

– Ну, дай вам бог успеха... Вы способный молодой человек...

Сдача дел была недолга. Дела у меня были в порядке.

Через два дня я простился с маменькой и сестрой. Обе они горько плакали, только каждая из разных побуждений: мать просто жалела меня, а сестра хоронила меня.

III

Признаюсь, когда через трое суток я приехал в Петербург и в тот же день стал бродить по улицам большого города, в котором у меня не было ни одной души знакомых, какая-то тоска одиночества сжала мое сердце. Скоро, впрочем, это прошло, и не без гордости ходил я по улицам большого города. Оживление возбуждало мои нервы... Я взглядывал на роскошные дома, останавливался перед магазинами, с любопытством глядел на изящные экипажи, на лошадей, щегольски разодетых мужчин и дам. Мне нравились эта суeta и этот блеск большого города. Дамы казались какими-то красавицами, а мужчины такими ловкими и изящными.

Однако я время от времени щупал бумажник. Рассказы о петербургских мошенниках, слышанные мною на железной дороге, произвели на меня впечатление, и я со страхом думал, что было бы со мной в этом большом городе, если бы я вдруг очутился в нем без гроша денег? Но бумажник был на месте, и я снова бродил, и снова останавливался, и жадно разглядывал красивые, изящные вещи, выставленные в магазинах.

Меня, впрочем, смущал мой костюм. Когда я сравнивал мое невзрачное платье с изящными костюмами гулявших по улицам франтов, мне делалось просто неловко, и я решил, что первым делом мне надо приобрести пару приличного платья и несколько белья. Платье в Петербурге – важная вещь. Я отложил покупку до другого дня и, скромно пообедав в какой-то кухмистерской, усталый от ходьбы, я крепко заснул в крошечной комнатке, нанятой мною поблизости от вокзала Николаевской железной дороги.

На другой день я был одет довольно прилично и искал меблированной комнаты. Комната, нанятая мною по приезде, была для меня слишком дорога. Я пересмотрел множество комнат, но большая часть из подходящих по цене не удовлетворяла меня. Уж слишком много было жильцов и слишком много шума. Наконец, после долгих поисков, я напал на подходящую комнатку в Офицерской улице, во дворе большого дома. Комнатка была, правда, крошечная, но чистенькая, и, кроме меня, в этой квартире было только двое жильцов: какая-то дама и отставной генерал. Квартирная хозяйка, весьма недурная собой молодая блондинка, уступала мне комнату за десять рублей, но при этом прибавила, лукаво бросая на меня взгляд:

– Только, пожалуйста, чтобы у вас было тихо и чтобы к вам не ходили... дамы.

– О, будьте спокойны на этот счет! – отвечал я как можно серьезнее. – Я только что приехал, и у меня нет ни души знакомых.

– Вы в первый раз в Петербурге?

– В первый раз.

Молодая женщина еще раз оглядела меня с ног до головы и, показалось мне, на этот раз гораздо ласковее, точно, глядя на меня, она почувствовала сожаление.

«Неужели, в самом деле, я возбуждаю во всех только одно сожаление?» – опять пронеслось в моей голове, и я несколько резко спросил у молодой женщины:

– Так вы согласны принять меня жильцом?

– О, разумеется... Быть может, вы пожелаете у меня иметь и стол? Правда, стол у меня простой, очень простой.

– Я привык к простому столу!.. – проговорил я и вдруг покраснел при этих словах.

Она взглянула опять, и я точно в ее взгляде прочитал:

«Вижу, вижу, молодой человек, что ты к хорошему столу не привык!»

– А какая цена?

– Восемь рублей.

– Согласен... Обед будут подавать ко мне в комнату?

– Как угодно... Угодно со мной обедать, а нет – обедайте одни...

– Я привык один!.. – отвечал я снова как-то резко, сердито взглядывая на молодую женщину.

– А вы не капризны?..

– Нет...

Я отдал задаток, в тот же вечер перебрался в новое помещение и за чаем делал выписки из газетных объявлений. Со следующего дня я решил приняться за поиски работы.

«Требуется молодой человек в качестве домашнего секретаря». «Ищут чтеца к престарелой даме». «Желают иметь молодого человека для занятий с детьми». «Требуется конторщик для переписки». Из массы объявлений о предложении я на этот раз выудил только четыре более или менее подходящих спроса. Разумеется, я далек был от мысли сделать себе профессию из какого-либо подобного занятия (иначе стоило ли приезжать в Петербург?), но как подспорье я не прочь был иметь какое-либо подходящее занятие, которое дало бы мне возможность не проживать сделанных мною сбережений. Я сосчитал свои капиталы. У меня оставалось всего двести рублей. Надо было вести дела свои аккуратно. В свою очередь, я сочинил объявление такого рода:

«Молодой человек, 23 лет, приехавший из провинции, кончивший курс, ищет занятий в качестве учителя, секретаря или бухгалтера».

Я отнес объявление в две газеты и затем пошел по объявлениям.

Первым стояла «престарелая дама, ищущая чтеца». Престарелая дама жила недалеко, и я отправился к ней. Большой дом. Швейцар у подъезда.

– Где четырнадцатый номер квартиры?

– Вы наниматься... по объявлению, что ли? – ответил швейцар, оглядывая меня.

– Да.

Он как-то странно посмотрел на меня и заметил:

– В четвертый этаж идите, только знаете ли что? Напрасно будете подниматься. Она вот уже месяц публикует, и только ковер на лестнице портят... Никто не идет. Много тут перебивало разного народа...

– Отчего же это никто не идет?

– А барыня-то уж очень требовательная... А то ступайте, сами посмотрите... Многие так ходят... Пойдут, посмотрят и возвращаются назад, будто из театра... Смеются.

Меня заинтересовала эта старуха, и я пошел в четвертый этаж.

Позвонил – никто не открывает. Позвонил другой раз... Наконец послышались шаги, и на пороге появился старый лакей.

– Вы чтец?

– Да... по объявлению...

Лакей тоже странно на меня посмотрел, лениво принял мое пальто и повел в комнаты.

Мы прошли через несколько парадных комнат и остановились перед запертой дверью.

– Вы подождите здесь, я пойду доложу!.. – проговорил лакей. – У вас сапоги не скрипят?..

– Нет, кажется...

– То-то... Она терпеть не может сапогов со скрипом!.. – прибавил совершенно серьезно лакей, после чего осторожно отворил дверь и скрылся.

Мне пришлось прождать минут с десять. В то время как я ждал, из других дверей вышла какая-то пожилая женщина, прошла мимо, бросив на меня внимательный взгляд, кивнула на мой поклон и вернулась в ту же дверь. Затем прибежали три маленькие собачонки в пополах, стали было лаять, но горничная, вошедшая вслед за ними, поторопилась увести их, поглядев на меня, как мне показалось, не без сожаления.

– Пожалуйста! – проговорил лакей, появляясь около меня.

Он отворил двери. Сперва мы вошли в роскошно убранную гостиную, а оттуда в небольшую полутемную комнату, где в большом откидном кресле полулежала закутанная пледом

какая-то женщина. В комнате было душно и накурено чем-то ароматическим. Из соседней комнаты раздавались звуки фортепиано...

Лакей скрылся. Я остался один.

– Подойдите поближе! – тихо проговорила та самая пожилая женщина, которая давеча разглядывала меня в зале.

Я подошел и тогда только разглядел существо, лежавшее в кресле. Это была старая-пре-старая и очень некрасивая старуха с маленьким узконосым детским личиком, в белом чепчике с сиреневыми лентами. На лице ее толстым слоем лежала пудра, отчего безобразное ее лицо казалось еще страшней, а небольшие глаза, глубоко сидевшие в темных ямах, казались совершенно безжизненными, стеклянными глазами.

Она высвободила свою руку из-под одеяла и уставила на меня лорнет.

Несколько секунд длилось молчание. Она что-то опять сказала пожилой даме, и та снова тихо попросила меня подойти поближе. Я подошел почти вплоть к старухе. Она продолжала оглядывать меня, точно какую-то редкость. В это время в соседней комнате замолкли звуки фортепиано, и прямо против меня слегка скрипнула дверь. Я взглянул в ту сторону. Из дверей выглянуло прелестное, молодое женское личико, но тотчас же скрылось.

– Вы чтец? – наконец проговорила каким-то глухим голосом старуха, не опуская лорнета.

– Да.

– Вам сколько лет?

– Двадцать три года.

– Вы студент?

– Нет. Я кончил только курс в гимназии.

– Вы читали когда-нибудь больным?

– Читал, – храбро соврал я.

– Ведь это скучно, очень скучно, – заметила старуха, и на лице ее промелькнуло нечто вроде улыбки. Потом, помолчавши, она сделала мне какой-то жест рукой.

– Садитесь, – подсказала мне пожилая дама, заметив, что я не понял жеста.

Я сел на низенькую маленькую табуретку, обитую шелком, так что старуха, лежа в своем кресле, могла отлично меня видеть.

– Вы не нигилист? – снова начала она свой допрос.

– Нет.

– Вы в господ бога веруете?

– Разумеется.

– Это похвально, молодой человек... Нынче так мало веры... Кто ваши родители и что вы делали до сих пор? Расскажите-ка нам откровенно... Все по порядку. Я люблю слушать задушевные истории.

Я понял тогда, почему от этой старухи убегали все, приходившие по объявлению, но я решил испить чашу до дна. В моем положении приходилось спрятать самолюбие в карман.

«Кто знает, – мелькнула у меня мысль, – может быть, я понравлюсь старухе, и она мне поможет устроить карьеру. Такие примеры были. Она, должно быть, очень богата. Жить ей недолго. Чем судьба не шутит! Такие старухи капризны». Я вспомнил при этом случай, бывший в нашем губернском городе, как одна больная, богатая старуха оставила после смерти десять тысяч одному молодому человеку, приходившему играть к ней на фортепиано.

Эти мысли быстро пробегали в моей голове, как снова напротив меня чуть-чуть приотворились двери, и из щели показалась пара сверкающих черных глаз и маленький, слегка вздернутый, розовый носик.

Несмотря на мое благоразумие, глаза эти, признаюсь, смутили меня, и, подите ж, в то же мгновение все мои фантазии относительно старухи разлетелись; мне в это время хотелось

только узнать: кто такая эта девушка, заглядывавшая в щелку? и непременно увидеть ее... увидеть во что бы то ни стало.

Я был молод, и мне было простительно на минуту увлечься самым глупым образом.

Однако пора было начинать исповедь перед старухой. Она уже ждала. Глаза снова скрылись, но кто знает, не будет ли у меня, кроме двух, еще и третья слушательница?.. Это меня несколько смущало.

В коротких словах я рассказал, кто были мои родители (дворянское происхождение, видимо, произвело на мою старуху благоприятное впечатление), почему я не мог поступить в университет и как приехал в Петербург приискивать себе занятия. Я рассказал все это просто, но не без достоинства. Мысль, что меня, быть может, слушают за дверьми, заставляла меня избегать трогательных мест, которые бы оттеняли способного прекрасного молодого человека, служащего единственной опорой матери и сестре. Этот вопрос я обошел, ограничась только легким, хотя и довольно прозрачным намеком.

Рассказ мой произвел, по-видимому, очень благоприятное впечатление.

– Бедный молодой человек! – проговорила старуха, снова лорнируя меня. – У меня тоже был сын... ему бы теперь было...

Она задумалась и заморгала глазами, точно собираясь плакать.

Пожилая дама поднесла ей к носу флакон с солями и заметила:

– Ипполиту Федоровичу было бы теперь тридцать лет...

– Ах, да... тридцать... И какой славный молодой человек!..

Опять нюхание солей.

– А вы по-славянски читать умеете?

– Умею.

– Ну и хорошо. Вы мне понравились, молодой человек. Как вас зовут?

– Петром Антоновичем.

– А ваша фамилия?

– Брызгунов.

Мне показалось, что она поморщилась, когда я сказал свою фамилию. Действительно, моя фамилия была какая-то странная; мне она самому не нравилась... «Брызгунов»... Очень уж как-то звучит скверно.

– Я вас буду, молодой человек, звать Пьером... Вы позволите?

И, не дождавшись ответа, старуха обратилась к пожилой даме:

– Кто у нас Пьер был?.. Ах, я опять забыла... напомните мне, Марья Васильевна.

– Пьер?.. Да племянник ваш, княгиня, Пьер...

– Вот вспомнила! – с неудовольствием перебила старуха. – Нашли кого вспомнить!.. Я его в дом не пускаю, а она... Вы нарочно, кажется, хотите меня раздражать... Кто же у нас Пьер, ну?..

– Крестник ваш, княгиня...

Старуха замотала капризно головой.

– Еще Пьер Ленский, сын Антонины Алексеевны.

Старуха заморгала глазками. Марья Васильевна в смущении снова поднесла флакон с солями.

– Ах, вы меня совсем не жалеете... Каких это вы все Пьеров вспоминаете?..

Она озабоченно стала припоминать, и вдруг лицо ее оживилось.

– Ну, вот вы не могли вспомнить, а я вспомнила. Помните, у покойного мужа комнатный мальчик был... славный такой... мы его Пьером звали...

Через минуту старуха забыла уже Пьера и, обратившись ко мне, заметила:

– Я вас беру, молодой человек, к себе чтецом. О времени и об условиях с вами переговорит Марья Васильевна... Я вас не обижу...

Она кивнула головой. Я поклонился и вышел из комнаты. Вслед за мной вышла и Марья Васильевна. Условия были следующие: приходить читать от семи до девяти часов вечера, за это предлагалось тридцать рублей.

Я согласился. О подробностях Марья Васильевна обещала поговорить впоследствии.

– Вы понравились княгине, – проговорила эта женщина, ласково взглядывая на меня. – Постарайтесь же оправдать ее доверие. Завтра приходите в половине седьмого.

Когда я уходил, в комнате раздался шелест. Я обернулся и мельком увидел красивую молодую девушку, выглядывавшую из дверей.

Я был на пороге, когда до меня донесся ее голос:

– Неужели он согласился?

– Да! – тихо отвечала Марья Васильевна.

В голосе девушки было столько изумления, что я обернулся, но ее уже не было в комнате.

Старый лакей проводил меня до прихожей и взглянул на меня с удивлением.

– Поладили? – спросил он.

– Да.

– Удивительно!..

И швейцар изумился, что я так долго был наверху, и, когда я дал ему гривенник и объявил, что буду приходить каждый день читать старухе, он не мог скрыть своего изумления и проговорил:

– Чудеса!

От старухи я пошел на Сергиевскую улицу к господину, желавшему иметь «способного секретаря»...

Успех моих первых шагов в Петербурге радовал меня, и я шел в Сергиевскую бодрый и довольный, в полной уверенности, что неглупому человеку нельзя пропасть в большой столице.

IV

Я скоро отыскал дом, указанный в объявлении. Швейцар заметил, что генерал живет во втором этаже, и при этом прибавил:

– Только вряд ли вас, господин, примут... Генерал очень занят...

– Однако в газетах объявлено, что его можно видеть до трех часов.

– Так вы по объявлению?.. Попробуйте... Только едва ли!.. Генерал теперь пишет... Мне только что лакей ихний говорил...

Однако я все-таки поднялся во второй этаж и тихо позвонил у двери, на которой блестела медная дощечка с выгравированной на ней крупной славянской вязью: «Николай Николаевич Остроумов».

Лакей, отворивший мне двери, тихим голосом и как-то таинственно сказал мне, что «генерал очень занят и беспокоить его теперь нельзя».

– Но я пришел по объявлению...

– Вы бы лучше в другой раз...

– Да как же это?..

– Впрочем, подождите... Я посмотрю...

С этими словами лакей тихонько приотворил двери в кабинет, заглянул туда и, обратясь ко мне, сказал с особенной серьезностью:

– Пишет!.. А когда он пишет, то не любит, чтобы его беспокоили...

– Так я подожду.

– Разве подождать?.. Вы подождите в зале. Я выберу минутку и доложу.

Я вошел в залу. В зале, за двумя ломберными столами, сидели два военных писаря и что-то писали. Полная тишина была в большой комнате. Только слышно было, как шуршали перья по бумаге.

Я просидел так минут с пять, как через залу на цыпочках прошла дама с какой-то корректурой в руках и, не обращая на меня никакого внимания, остановилась у кабинета, осторожно приотворила двери, заглянула туда и отошла от дверей.

Я кашлянул. Тогда дама взглянула на меня, и я поклонился. Она подошла ко мне, серьезная, озабоченная, с корректурой в руке.

– Вам Николая Николаевича? – спросила она.

– Да-с... Объявляли в газетах...

– Ах, извините, пожалуйста... Сейчас муж вас принять не может... Он исправляет теперь корректуру... Жаль потревожить его... Уж будьте добры, подождите немного...

С этими словами она прошла в другие комнаты, а я снова сел.

Опять через залу прошла, тихо ступая, молодая девушка, тоже с корректурой в руках, так же осторожно заглянула в двери и так же осторожно отошла назад. По счастью, она обратила на меня внимание. Я поклонился молодой девушке. Она приблизилась ко мне.

– Я пришел по объявлению... Объявляли о домашнем секретаре... Нельзя ли увидеть генерала?

– Николай Николаевич теперь ужасно занят! – ответила она мне. – Впрочем, подождите.

Она снова приотворила двери, и на этот раз, слава богу, генерал, должно быть, заметил ее, потому что она вошла в кабинет, через минуту вернулась и попросила меня войти туда.

Я вошел в кабинет. За большим столом, на котором повсюду были разбросаны корректуры, сидел нестарый генерал с озабоченным видом. Он протянул мне руку и, показывая на кресло, заметил:

– Извините, пожалуйста... Я, кажется, заставил вас ждать... Я так занят, так занят... Дочитываю корректуру моей новой книги... Должна выйти к сроку... А доверить этого дела нельзя никому.

В эту минуту в кабинет вошла генеральша, некрасивая, добродушная на вид дама, извинилась, что на минутку, «на одну только минуточку», прервет нашу беседу, и, положив перед мужем корректурный лист, указала на одно место тонким, замаранным в чернилах пальцем.

– Послушай, мой друг... Я поставлена в затруднение. В этом месте у тебя написано...

И она прочла певучим, слегка вибрирующим голосом, с каким-то благоговением, точно читала священные строчки, следующее место:

– «И слезы благодарных, выносливых, простодушно-невинных русских солдат, этих чудо-богатырей родной земли, взбуровили тихое Чаганрыкское озеро. Оно запенилось, почернело и словно подернулось трауром по храбром, неустрашимом герою, майоре Кобылкине, прах которого, заключенный в гроб, везли в это время на лодке истомленные горем солдаты...»

– А сбоку, мой друг, вариант такой:

«И зарыдали они, эти простодушно-девственные чудо-богатыри земли русской, христолюбивые воины нашей родины. Зарыдали они, и капля по капле струились их слезы в тихие воды Чаганрыкского озера, вспенивая его черную пучину. И обыкновенно спокойный Чаганрык отуманился, почернел, как бы подернулся черным флером, отдавая последнюю дань праху безвременной жертвы, ге-роя-болярина, майора Нижнеудинского пехотного полка Аркадия Петровича Кобылкина, моего старого добродее и соратника. Тихо плыла лодка по озеру с гробом, христолюбцы рыдали, и, казалось, вместе с ними скорбел Чаганрык, плакало небо, и тихо грустили горные выси...»

Генеральша и это место прочла с тем же чувством и тем же дрожащим от волнения голосом. Когда она кончила, то взглянула на мужа с благоговейной любовью и восхищением, полная счастья. Потом она перевела взгляд и на меня, взглянув как-то торжественно, словно бы говоря своим взглядом: «Слышал ли ты когда-либо что-нибудь подобное?»

– Как же нам быть, Никс?... Какой вариант оставить? По моему мнению, оба они так прелестны, так поэтичны, что если б ты спросил моего совета, я бы сказала: оставь оба.

Генерал задумался. Он восторженно устремил в пространство голубые глаза и несколько секунд пробыл в таком положении. Генеральша благоговейно замерла. В эту минуту в комнату заглянула молодая девушка и тоже замерла.

Наконец генерал опустил глаза на корректуру, тихо перечел, тоже нараспев, оба места и опять задумался.

– Ты как думаешь, Мари? Какое место лучше? – наконец спросил генерал.

– Ах, уж лучше не спрашивай, Никс. Я не могу отдать предпочтения. Первое сильнее, но зато во втором столько поэзии... столько поэзии...

– А ты, Наташа, какого мнения?

– По-моему, дядя, первое лучше. И второе хорошо, но первое... грандиозно! – проговорила, входя, девушка.

Генерал не решался.

– Это трудный вопрос! Я и сам в затруднении... А, впрочем, знаете ли, господа, что? Обратимся к постороннему судье. Мнение беспристрастного судьи будет самым верным. Что вы скажете, молодой человек?

Все взгляды обратились на меня. Я, признаться, не был приготовлен к такому исходу.

– Вы откровенно скажите... Не стесняйтесь, молодой человек!.. – поощрял меня генерал.

– По моему скромному мнению, первый вариант будет лучше! – проговорил я.

– А зато как грациозен второй!.. – вступилась генеральша.

– Не спорю, но в первом больше силы...

– Вот мы так и поступим... Оставим первый!.. – решил генерал, взял корректурный лист, перекрестился большим крестом и зачеркнул другой вариант.

Обе дамы ушли.

– Ну, теперь поговорим о деле, молодой человек... Ваше имя?..

– Петр Антонович...

– У меня, Петр Антонович, работы пропасть... Жена и племянница помогают мне, но, кроме того, мне нужен секретарь, которому бы я мог излагать свои мысли, а он бы их записывал, так, вчерне... Окончательно отделявать, конечно, буду я сам... Могли ли бы вы взяться за это?

– Я бы попробовал...

– Вы где кончили курс?

– В Н-ской гимназии.

– Знаю... знаю... Там у меня директор приятель. Должен вас предупредить, Петр Антонович, что я требователен и люблю аккуратность в работе... У меня много перебивало молодых людей, но все как-то мы не сходились... Вот еще недавно: пришел один студент, довольно приличный на вид, взялся за дело, но мало того, что был не аккуратен, а еще фырчал, когда я приказал ему написать слово о спасении души, и отказался... По-моему, лучше не берись... Как вы полагаете?

Я согласился.

Генерал помолчал и потом неожиданно прибавил:

– Вы извините... Один щекотливый вопрос!..

– Сделайте одолжение!..

– Вы религиозный человек?.. Я вас позволил об этом спросить, – прибавил он, – потому что все наше семейство глубоко религиозно... Я, конечно, не смею насильствовать ваших убеждений, но я бы не потерпел в своем секретаре атеизма, а эта болезнь, по несчастью, теперь свирепствует... Молодые люди забывают, что религия – единственная успокоительница.

Генерал стал говорить на эту тему и, между прочим, так и сыпал цитатами из Священного писания.

Я поспешил успокоить его.

– Занятия секретаря должны начинаться с девяти часов утра и продолжаться до трех... На вашей обязанности будет также переписка... Я веду переписку со многими лицами... Что же касается вознаграждения...

Генерал остановился и взглянул на меня.

– Как бы вы оценили свой труд?..

– Мне, право, трудно...

– Однако ж?

Я все-таки отказался. Отказ мой, видимо, не понравился генералу. Он поморщился и проговорил:

– Я тоже затрудняюсь... Работа ваша будет, конечно, незначительная... легкая, но все-таки... я не желал бы вас обидеть... Как вы думаете насчет двадцати рублей в месяц?..

«Ого! – подумал я. – Генерал из кулаков!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.